

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА

Научная статья

УДК 340.141

DOI 10.18101/2658-4409-2025-1-5-14

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСУДИЯ СИБИРСКИХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© Хлыстов Евгений Афанасьевич

кандидат исторических наук, доцент,

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Россия, г. Улан-Удэ, 670013, ул. Ключевская, 40в

xlystov@mail.ru

Аннотация. В статье автором проанализированы как общие, так и особенные черты традиционного судопроизводства в инородческих органах словесной расправы коренных народов Сибири в дореволюционный период. Делается вывод, что недостаточно полно изучены в историко-правовой литературе проблемы взаимодействия имперского судопроизводства и обычно-правового правосудия народов Сибири, а также развитие юрисдикции по отношению к ним со стороны русской администрации. Развитие традиционного правосудия характеризуется партикулярностью, отсутствием четкой систематизации и регламентации судебных процедур в инородческих судах.

Ключевые слова: традиционное правосудие, сибирские народы, судопроизводство, обычное право, Российская империя.

Для цитирования

Хлыстов Е. А. Особенности правосудия сибирских народов Российской империи в современной историографии // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2025. Вып. 1. С. 5–14.

В современной историографии по изучению проблем правосудия народов Сибири имперского периода можно условно выделить три этапа, которые исследуются в различных областях исторического знания (история права, политическая и социальная история, этнология права): 1) до введения Устава об управлении инородцев 1822 г.; 2) время действия этого устава, включая Положение об инородцах 1892 г. (до середины 1890-х гг.); 3) период, связанный с волостной реформой конца XIX в., введением Положения о крестьянских начальниках, которые существенно изменили систему традиционного правосудия, ставшего частью имперского законодательства.

В современной российской историко-юридической науке большое внимание уделяется проблемам изучения обычного права коренных народов Сибири дореволюционного периода, их нормативной практике, формированию системы этнического правосудия. Правда, как отмечают исследователи в последние годы, недостаточно изучены проблемы взаимодействия обычно-правового правосудия с имперской системой судопроизводства [39, с. 12].

В процессе взаимодействия мононорматических практик этнических групп Сибири с российской правовой системой создается обычное право коренных народов обширного края. В ходе освоения восточной территории, начиная с принятия Соборного уложения 1649 г., формируется система обычного права коренных народов. В течение XVIII в. в ходе так называемой «мягкой колонизации» формируются основы традиционного правосудия, которое становится частью имперской системы судопроизводства.

Отправной точкой формирования обычного права, в том числе системы традиционного правосудия коренных народов Сибири, часто называют утверждение специальной «Инструкции пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву» С. Л. Владиславича-Рагузинского в 1728 г., с помощью которой с этого времени был введен суд родовых начальников, изъяты криминальные (уголовные) дела из подведомственности инородческого суда [16, с. 3–8; 40, с. 214].

Однако некоторые исследователи сомневаются в общесибирском значении данного процессуального документа, считая, что Инструкция распространилась в Забайкалье и Прибайкалье, а в Западной и Средней Сибири не использовалась до 1740-х гг., имея до утверждения Устава об управлении инородцев ограниченное распространение [18, с. 120].

Как известно, судопроизводство в «инородческих» родах основывалось на обычном праве, носившем вначале устный характер, отсутствовала какая-либо систематизация, а также письменное оформление [29, с. 21].

В. В. Карлов выделяет два способа вмешательства русской администрации в систему традиционного правосудия: 1) косвенный, «когда администрация рассматривала конкретный частный случай (конфликтную ситуацию и способы ее разрешения, практиковавшиеся населением) и давала санкцию на «традиционный» способ решения спора»; 2) прямое вмешательство, когда изымались из обычно-правовой практики наиболее серьезные дела [19, с. 52]. Практика судебной деятельности инородческих органов в Сибири показала, что имперская власть пошла в основном по второму пути.

По мнению исследователей, Российское государство, предоставляя в частных делах кочующим инородцам право словесной расправы по нормам обычного права, преследовало конкретную цель — снизить число судебных разбирательств, подлежащих рассмотрению имперскими учреждениями [4, с. 151].

Как указывает О. А. Авдеева в своей монографии, это было связано с невозможностью одномоментного вовлечения в орбиту общегосударственных правовых отношений бродячих и кочевых инородцев, тем самым вызывая необходимость сохранения патриархальной организации органов административно-судебной власти [1, с. 186].

Теоретико-правовая характеристика обычно-правового суда монгольских народов Сибири дана А. Т. Тумуровой. В данной связи отмечается ряд общих черт: 1) процесс осуществлялся по правилам, которые не были зафиксированы в письменном документе; 2) приближенность к народу, демократичность суда; 3) отсутствие формализма; 4) больше, чем суд официальный, зависел от социального здоровья, гармонии общественных и личных интересов, нравственного и морального благополучия общества; 5) суд носил естественно-исторический характер, то

есть не мог создаваться по распоряжению каких-либо властей [32, с. 96–97]. Все это характеризовало традиционное правосудие сибирских народов как цельный социальный институт, на которое существенное влияние оказали монгольские правовые традиции.

В современной историко-правовой литературе очень мало исследований эволюции юрисдикции в отношении коренного населения Сибири в период правления Екатерины Великой.

Первая такая работа принадлежит перу В. А. Воропанова, в ней содержится важный вывод о том, что благодаря судебным преобразованиям 1760–1780-х гг. появились уникальные возможности для коренных народов принимать участие в правоприменительной деятельности посредством сельских заседателей в верхних и нижних расправах, а также в нижних земских судах (органах уездной полицейской администрации) [9, с. 30].

В ходе преобразований были изданы первые сборники обычного права, в частности Селенгинское уложение 1775 г., которое считается важнейшим документом в процессе становления традиционного правосудия бурятского народа, по мнению А. Т. Тумуровой [31].

Важным аспектом правосудия является исполнение судебных решений по нормам обычного права. Изучение данного аспекта сопряжено с рядом трудностей, связанных с недостатком архивных данных. В современной литературе есть неудачная попытка проследить исполнение судебных решений по нормам обычного права бурят, в том числе на примере Селенгинского уложения 1775 г. Автор этих публикаций, О. В. Попова, в своих статьях не раскрыла содержание заявленной темы [26, с. 32–40; 27, с. 9–19].

Важно отметить, что вплоть до Устава об управлении инородцев 1822 г. обычное право сибирских народов не представляло собой единой системы, оно было партикулярным, разделенным на правовые акты разных родов и этнических групп, что и стало одной из причин дальнейшей унификации и кодификации обычного права сибирских народов [32, с. 93].

Устав об управлении инородцев 1822 г., ставший рубежом в процессе взаимодействия инородческого правосудия с имперским судопроизводством, подробно анализируется в современной литературе. В историко-правовой науке отмечается введение трехуровневой системы правосудия, в которой инородные управы заняли вторую ступень судов словесной расправы. При этом степные думы, будучи в основном хозяйственными, а не судебными органами, фактически заняли первую ступень данного правосудия. Также обращается внимание на то, что кроме судов словесной расправы в большинстве случаев использовались особенные посредники при разрешении внутренних родовых конфликтов, их решения не обжаловались [2, с. 38–39].

В. А. Воропанов приходит к выводу, что к середине XIX в. русские власти использовали примирение, упрощение, унификацию судов родоначальников в рамках волостей. При этом регламентировались полномочия нижних судов, был определен порядок наступления ответственности для различных лиц, осуществляющих правосудие по нормам обычного права [8, с. 117].

В начале XX в., как верно замечает иркутский исследователь В. М. Деревскова, действовало Положение об инородцах 1892 г., а принятые акты лишь в незначительной степени ограничивали действие инородческого суда и обычного права и подчиняли их крестьянским начальникам [14, с. 76].

Большинство исследователей указывает на то, что инородческим судам были подсудны только исковые дела. А убийства, совершенные с умыслом или без умысла, грабеж, поджог, неповиновение роду, а также преступления, совершенные рецидивистами, как указывает Е. С. Гылыкова в своем историко-юридическом исследовании, передавались русским властям [10, с. 19].

Одной из главных задач традиционного правосудия сибирских этносов и этнических групп стало примирение сторон, и родовые начальники всячески старались сохранить мир между сторонами гражданских конфликтов [5, с. 43].

Исковые дела (конокрадство, семейно-брачные отношения, трудовые споры, другие виды судебных разбирательств) на заседаниях инородных управ бурят были проанализированы в диссертации Б. Ц. Жалсановой [15, с. 199–220]. Автором изучен целый пласт архивных документов, хранящихся в фондах Государственного архива Республики Бурятия. Отмечается, что решение инородческого суда имело юридическую силу, если его участники были удовлетворены им. Если их не устраивало решение, то обе стороны могли обращаться в суд второй ступени — инородную управу [16, с. 4], которая фактически становится высшей ступенью суда словесной расправы [17, с. 147].

В литературе отмечаются и кризисные моменты в развитии инородческого правосудия. Так, уже с 1849 г. по распоряжению иркутской администрации запрещалось впредь степным думах рассматривать исковые дела инородцев [12, с. 8], постепенно судебные полномочия инородческих органов все больше и больше сокращаются, как отмечается в исторической литературе.

После принятия «Временных правил о некоторых изменениях по судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае» 1885 г. исковые дела в судах словесной расправы проводились по Уставу гражданского судопроизводства [20, с. 108]. Системы обычно-правового правосудия включаются в общее судопроизводство.

В коллективной монографии о бурятском этносе в имперской системе власти справедливо утверждается, что после принятия Устава об управлении инородцев вплоть до принятия Положения об инородцах в 1892 г. в российском законодательстве не было существенных изменений, касающихся судебной деятельности инородческих органов [7, с. 474–475]; важное значение также имеет проведенная в данной работе классификация исковых дел, которые рассматривались в инородческих судах.

Следующий этап связан с принятием ряда нормативных актов в 1890-е гг., прежде всего Положения об инородцах в 1892 г., Положения о крестьянских начальниках и др. Исследователи отмечают, что введение института крестьянских начальников привело к замене земской полиции как третьей ступени судов словесной расправы крестьянскими начальниками [2, с. 122].

Важнейшее нормативное и практическое значение имели изданные в 1896 г. «Временные правила о применении судебных уставов в губерниях и областях

Сибири»; в соответствии с этими правилами инородные управы при осуществлении судопроизводства стали подчиняться окружным судам, их решения по отношению инородческим сословиям имело окончательное значение. Кроме того, правилами вводился институт мировых судей, к их компетенции относились иски, возникавшие между инородцами и подлежащие ведомству их собственных сословных судов [2, с. 126–127].

Весомый вклад в изучение особенностей правосудия кочевых народов Восточной Сибири внесла В. В. Наумкина. В ее работах, прежде всего в обобщающей монографии, дается подробная характеристика специфики традиционного судопроизводства в судах словесной расправы, которые разбирали дела сибирских инородцев. Ею выделены такие особенности, как: 1) отсутствие четких процессуальных норм проведения следствия и судопроизводства; 2) рассмотрение споров было одним из вопросов повестки дня заседания инородческих органов; 3) отсутствие четкого разделения между следствием и судебным разбирательством; 4) коллегиальное рассмотрение спора или правонарушения; 5) применение мер наказания при неуважительном отношении к суду; 6) при решении вопросов расправа исходила из общественного мнения и личности нарушителя (репутации), при этом руководствуясь своими представлениями о справедливости [25, с. 162–163]. При этом репутация (или социальная ценность) рассматривалась как доказательство виновности или невиновности, правдивости показаний [24, с. 22].

С. Ю. Даржаев рассматривает инородческий суд как самостоятельный социальный институт, который в своей сущности является общественным явлением, поскольку решение о вине и назначении наказаний принималось не единственно родоначальником, а общественным собранием (сугланом) [11, с. 73].

Такого же мнения придерживается в отношении традиционного суда народа саха (якутов) и Г. С. Фёдоров, называя его сугубо общественным органом, выделяет в нем три составляющие: суд родоначальника, суд посредников и суд общего собрания членов рода [37, с. 36].

После утверждения Устава управления инородцев 1822 г. были созданы у якутов наследные инородные суды в виде суда «наследного князьца», а также наследного выбираемого суда и суда общего собрания наслега (объединение нескольких родов), то есть общественный характер суда якутского народа был законодательно закреплён.

Выделены особенности инородческого суда: необязательность вины для установления ответственности; неограниченность исковой давности [31, с. 71–74]. А. Т. Тумуровой был выявлен еще ряд особенностей традиционного бурятского правосудия: отсутствие осознания процедурности действия; максимальная близость к народу; неформальный характер суда; скрытый потенциал перерождения в классовую (бюрократическую) форму суда [33, с. 225–227].

Патриархально-феодальный уклад жизни предусматривал наличие сословных привилегий в назначении наказаний для знати, отсутствие единых правил судопроизводства между этническими группами [3, с. 62]. Родовая замкнутость правосудия была характерна и для малых народов Сибири. Особенности родового суда эвенков рассмотрел В. В. Увачан. Порядок расследования и судебного разбирательства у сибирских эвенков имел архаичные формы, но к концу XIX в. происходило усиление

суда туземной администрации, наметился переход к сельскому суду, усвоению русских процедур» [35, с. 98–99]. Патриархальность суда сохранялась и у народов Обского Севера [30, с. 28–29].

Надо добавить к сказанному, что у представителей якутских инородцев в рамках оседлых общин (наслегов) действие инородческого суда сохранялось вплоть до установления советской власти в 1917 г. [38, с. 42].

Анализ судебной деятельности инородческой администрации у хакасов дан в работах Е. В. Самриной. Исследователь отмечает, что на уровне родового управления в основном решались те вопросы, которые носили местный характер, в том числе разбирательство некоторых гражданских дел на основе норм обычного права. Но на сибирских инородцев в полном объеме распространялось уголовное законодательство Российской империи [28, с. 65–70].

Особенности традиционного судопроизводства характерны и для представителей тувинского этноса, так как только в 1914 г. территория тувинцев попала под протекторат Российской империи. Поэтому их обычно-правовые институты действовали наряду с маньчжурскими и российскими нормами, судебные разбирательства в основном были посвящены земельным спорам с русскими колонистами [13, с. 134–137].

Традиционный суд южных алтайцев, его субъектный состав, механизм судопроизводства и применение санкций исследованы в диссертации А. М. Учайкиной. В ней отмечается влияние традиций джунгарского периода, что выразилось в заимствовании административной системы осуществления правосудия зайсанами (старостами). При этом существование традиционной системы управления и судопроизводства прекратилось у коренного населения на Южном Алтае в 1911–1913 гг. [36, с. 20–22].

Следует выделить научные работы, посвященные различным видам санкций за правонарушения по нормам обычного права. Так, А. Т. Тумурова на основе уложений бурятского этноса приходит к выводу, что обычное право бурят в период XVIII–XIX вв. при установлении ответственности за причинение вреда усматривало тесную взаимосвязь размера возмещения от характера нарушенной правовой нормы [34, с. 146]. Архивные материалы хакасского Абаканского ведомства свидетельствуют о мерах борьбы с конокрадством как с одним из распространенных видов преступления против имущества [21, с. 226].

Общую характеристику санкций в судах словесной расправы Восточной Сибири приводит В. В. Наумкина. В основном использовались имущественные санкции, но применялись и санкции личного характера из-за экономической несостоятельности либо с целью воспитания [23, с. 103].

Наиболее распространенными на практике наказаниями, которые налагались органами словесной расправы, были телесное наказание розгами (или лозами); телесное наказание розгами и штраф; удаление в отдаленные края; компенсация за причиненный вред; штраф в пользу общества [22, с. 182].

У якутских инородцев была широко распространена композиция — возмещение ущерба за различные преступления. За убийство, например, выплачивалась годовщина (композиция) скотом и рабами; таким образом регулировался обычай кровной мести у якутских аборигенов [6, с. 34].

В результате реальная практика традиционного правосудия народов Сибири привела в итоге к тому, что инородческие суды (словесная расправа) во многом носили характер общенародного собрания (сугланы).

Созданная на сибирских окраинах судебно-правовая система, с одной стороны, была направлена на интеграцию региона в общеимперское правовое пространство, с другой стороны, происходило постоянное смещение фронта в сторону усиления влияния государственно организованного права в виде имперского судопроизводства.

Имеющаяся в настоящий момент историко-правовая литература свидетельствует о том, что практически все сибирские народы дореволюционной эпохи, сохраняя традиционное правосудие, в конце концов вошли в социально-культурную структуру российского общества.

Литература

1. Авдеева О. А. Сибирь в государственно-правовой системе России в XVII — начале XX в. Иркутск : Оттиск, 2007. Текст : непосредственный.
2. Андреева Н. Н. Правовой статус восточных инородцев по законодательству Российской империи (1822–1905 гг.). Москва : Изд-во МПГУ, 2019. 180 с. Текст : непосредственный.
3. Анисимов А. Г., Цыреторов А. И. Уголовное преследование в обычном праве бурят // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 59–63. Текст : непосредственный
4. Арзуманов И. А., Кузьмин И. А. Формирование системы предупреждения преступности в контексте развития института юридической ответственности у инородцев Восточной Сибири (первая половина XIX века) // Известия ИГЭА. 2016. Т. 26, № 1. С. 149–157. Текст : непосредственный.
5. Бадмаев А. А. Традиции разрешения конфликтов в бурятском обществе (XVIII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 2. С. 42–45. Текст : непосредственный.
6. Борисов А. А. Социальная история якутов в XVII — 50-х гг. XIX в.: общество, право, личность в условиях российской колонизации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Якутск, 2004. 44 с. Текст : непосредственный.
7. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX — начало XX в.) : монография / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас ; ответственный редактор Б. В. Базаров. Иркутск : Оттиск, 2020. 740 с. Текст : непосредственный
8. Воропанов В. А. Низшие суды в системе правосудия Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на примере губерний Урала и Западной Сибири) // Социум и власть. 2010. № 1(25). С. 112–117. Текст : непосредственный.
9. Воропанов В. А. Регулирование юрисдикции в отношении коренных народов Сибири в период правления Екатерины II // Уральский исторический вестник. 2024. № 1(82). С. 25–32. Текст : непосредственный.
10. Гылыкова Е. С. Обычное право бурят (историко-правовое исследование) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2005. 24 с. Текст : непосредственный.

11. Даржаев С. Ю. Степные думы — органы самоуправления бурят в Российском государстве (1822–1904 гг.). Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2001. 139 с. Текст : непосредственный.
12. Даржаев С. Ю. Суд и судопроизводство у бурят в XIX — начале XX в. // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. Вып. 15. С. 1–10. Текст : электронный.
13. Дамдынчап В. М. Система судопроизводства в Туве в конце XIX — начале XX в. // Алтай — Россия: через века в будущее : материалы всероссийской научно-практической конференции. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. 1. С. 134–137. Текст : непосредственный.
14. Деревскова В. М. Вопросы реформирования судебной системы коренных народов Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2014. Т. 7. С. 69–78. Текст : непосредственный.
15. Жалсанова Б. Ц. Инородные управы как органы местного самоуправления у бурят в XIX — начале XX в. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2008. 257 с. Текст : непосредственный.
16. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Исковые дела бурят по спорам, возникающим из трудовых отношений (XIX в.) // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3(82). С. 3–8. Текст : непосредственный.
17. Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Исковые дела судопроизводства у бурят в XIX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. С. 145–152. Текст : непосредственный.
18. Конев А.Ю. О роли и значении Инструкции пограничным дозорщикам 27 июня 1728 г. в правовом регулировании управления и суда «ясачных иноземцев» Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2(76). С. 116–121. Текст : непосредственный.
19. Карлов В. В. Обычное право народов Сибири и его изучение // Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). Москва : Старый сад, 1997. С. 47–73. Текст : непосредственный.
20. Курас Л. В., Жалсанова Б. Ц. Российское законодательство о суде, судопроизводстве в бурятском обществе в XIX в. и органы местного самоуправления бурят // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 108–112. Текст : непосредственный.
21. Курас Л. В., Мамышева Е. П. Борьба с конокрадством в Енисейской губернии: историко-правовые аспекты (по материалам органов самоуправления минусинских инородцев) // Власть. 2019. № 5. С. 223–226. Текст : непосредственный.
22. Наумкина В. В. Меры ответственности по обычному праву сибирских коренных народов // Вестник КрасГАУ. 2009. № 9. С. 182–186. Текст : непосредственный.
23. Наумкина В. В. Меры взыскания по исковым делам кочевых инородцев Восточной Сибири в XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1(5). С. 103–105. Текст : непосредственный.

24. Наумкина В. В. Репутация как критерий определения меры взыскания по нормам обычного права кочевых народов Сибири // История государства и права. 2019. № 6. С. 22–27. Текст : непосредственный.
25. Наумкина В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири: монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 223 с. Текст : непосредственный.
26. Попова О. В. Исполнение судебных решений по обычному праву бурят (на примере Селенгинского уложения 1775 г.) // Аграрное и земельное право. 2015. № 11(131). С. 32–40. Текст : непосредственный.
27. Попова О. В. Исполнение судебных решений по обычному праву бурят // Современный Юрист. 2015. № 4(13). С. 9–19. Текст : непосредственный.
28. Самрина Е. В. Основные функции органов самоуправления ачинских и минусинских «инородцев» // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 4(32). С. 65–70. Текст : непосредственный.
29. Сивкова А.В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е гг. XVIII — 80-е гг. XIX вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2006. 26 с. Текст : непосредственный.
30. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX в.) : сборник правовых актов и документов / составитель А. Ю. Конев. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. 238 с. Текст : непосредственный.
31. Тумурова А. Т. Обычное право бурят: Селенгинское уложение 1775 г. Улан-Удэ, 2004. 115 с. Текст : непосредственный.
32. Тумурова А. Т. Обычное право бурят // Российское правосудие. 2008. № 3. С. 93–99. Текст : непосредственный.
33. Тумурова А. Т. Обычное право бурят: историко-правовое исследование : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2010. 360 с. Текст : непосредственный.
34. Тумурова А. Т. Обычное право бурят об ответственности за причинение вреда // Вестник Бурятского госуниверситета 2010. № 2. С. 143–146. Текст : непосредственный.
35. Увачан В. В. Обычное право эвенков в XVII — начале XX в. Москва : Университет, 2001. 136 с. Текст : непосредственный.
36. Учайкина А. М. Обычное право южных алтайцев (конец XIX — начало XXI в.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Горно-Алтайск, 2016. 26 с. Текст : непосредственный.
37. Федоров Г. С. Обеспечение независимости, беспристрастности и справедливости в инородческом суде саха // Вестник СФВУ. Сер. История. Политология. Право. 2018. № 4(12). С. 35–40. Текст : непосредственный.
38. Федоров Г. С. К вопросу формирования «инородческого суда» народа саха // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер. История. Политология. Право. 2019. № 4. С. 41–46. Текст : непосредственный.
39. Цыдэнэ Ш. Ц. Отечественная историография истории органов местного самоуправления бурят (конец XVIII — первая четверть XXI в.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2022. 22 с. Текст : непосредственный.

40. Шагдурова И. Н. Правовое регулирование административного и судебного устройства бурят в период Российской империи // Известия ИГЭА. 2012. № 2(82). С. 213–217. Текст : непосредственный.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 14.03.2025.

FEATURES OF JUSTICE ADMINISTRATION AMONG THE SIBERIAN PEOPLES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Evgeny A. Khlystov

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,

East-Siberian State University of Technology and Management

40v Klyuchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russia

khlystov@mail.ru

Abstract. The article analyzes general and specific features of traditional legal proceedings in the bodies of verbal reprisals against the indigenous peoples of Siberia in the pre-revolutionary period. It is concluded that the issues of interaction between imperial legal proceedings and customary legal justice of the peoples of Siberia, as well as the development of jurisdiction over them by the Russian administration are underrepresented in the historical and legal literature. The development of traditional justice is characterized by particularism, the absence of clear systematization and regulation of judicial procedures in foreign courts.

Keywords: traditional justice, the Siberian peoples, legal proceedings, customary law, the Russian Empire.

For citation

Khlystov E. A. Features of Justice Administration among the Siberian Peoples of the Russian Empire in Modern Historiography. *Bulletin of Buryat State University. Law.* 2025; 1: 5–14 (In Russ.).

The article was submitted 17.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 14.03.2025.